

заболоченных чащ; Я лебедчиком работаю (с. 33). Николаева пишет, что «инверсия вызывает АВ» (там же), но дело, нам кажется, в том, что АВ — з н а ч и м о е выделение, а при обычной инверсии как раз значимости нет в том смысле, что выделение о б я з а т е л ь н о, здесь нет в ы б о р а (заметим, что в печатном тексте *холодом, лебедчиком* не получают курсива или разрядки). Более того: возможно «настоящее» АВ, которое налагается на выделение, вынужденное инверсией, ср. *На правду я не обижаюсь* и *На правду я не обижаюсь*.

Во II главе освещается вопрос о роли АВ в формировании «прагматического ореола высказывания». Здесь дается чрезвычайно интересное обсуждение того, что можно назвать внутриязыковыми средствами выявления картины мира носителя языка: его представлений об основных координатах и точках отсчета в «среде обитания», о норме и экстранормальности и т. п. АВ в этом плане, во-первых, обозначает включенность/невключенность высказывания в контекст, а отсюда соответственно отсутствие/наличие необходимости повышенного внимания к сообщаемому, ср. внеконтекстное по своему характеру *Передаем следующее сообщение* — без АВ, где ясно значение нового и важного, и *Передаем следующее сообщение* — с АВ, где именно АВ придает словосочетанию *следующее сообщение* значение «после того, что передавалось», т. е. «очередное» и, отсюда, ничем не выделяющееся (с. 44); во-вторых, АВ, указывая на экстранормальность, тем самым обнаруживает систему норм и предпочтений, ср. *Мы е ж е м е с я ч н о посылаем туда д е с я т ь преподавателей*, где только АВ показывает, что «ежемесячно» трактуется как «часто», а «десять» как «много» — «вокруг высказывания как бы создается сфера его возможных окружающих миров» (с. 49).

Глава III носит название «АВ в высказываниях с „акцентирующими частицами“». Кавычки, в которые заключен термин «акцентирующие частицы», не случайны: Т. М. Николаева показывает, что при употреблении частиц *даже, именно, и, только* вопреки традиционному мнению не существует прямой смысловой зависимости между наличием частицы и необходимостью акцентного выделения (с. 57). В то же время показывается общность функций частиц, называемых акцентирующими, и АВ: оба средства, по мнению автора, служат для формирования скрытых, «теневых» высказываний; как за высказыванием *Он не вернулся* стоит «фраза-тень» *Другие вернулись*, так и за высказыванием *Только он не вернулся* стоит *Все остальные вернулись*. Такое «теневое» высказывание, вызываемое к жизни АВ и/или частицами соответствующего вида, манифестируется в контексте, конситуации или в пресуппозиции (с. 60—61). Выделяются четыре

основные коммуникативные категории, обслуживаемые акцентным выделением и частицами: предупоминание, противопоставление, крайность и экстранормальность; все они включают свои субкатегории, которые также анализируются в главе (с. 61—64). Как можно видеть, первые две из названных категорий входят в значение (сферу) [-INTERN], две вторые — в сферу [-NORM].

В IV главе, озаглавленной «АВ, категория глобальности и инвертируемая ситуация», обсуждается если не совсем новый, то, во всяком случае, заново и по-новому поставленный вопрос о наличии особого типа высказываний, характеризующихся г л о б а л ь н о с т ь ю. С семантической точки зрения глобальность понимается как определенная нерасчлененность ситуации, важность ее в целом, невыделимость в составе ситуации коммуникативно обособленных компонентов, ср. *Горит восток зарею новой*; в грамматическом плане признаки глобальности манифестируются, по мысли автора, некоторыми специальными морфологосинтаксическими характеристиками, объединяющими высказывание. К последним в славянских языках принадлежат аспектуальные показатели: «факт единичного действия ограниченного процесса, ограниченной повествовательности передается совершенным видом, если есть установка на указание целостности, и несовершенным — если ее нет» (с. 69). Другим важнейшим показателем «глобальности» является порядок слов, при котором реализуется препозиция сказуемого, ср. пример выше, а также аналогичные *На холмах Грузии лежит ночная мгла; Продают помидоры* (с. 71). Такой порядок слов отнюдь не является результатом инверсии — напротив, для высказываний-описаний он выступает как естественный, основной. Высказывания типа *Бабушка спит* (как призыв к тишине, а не как ответ на вопрос *Что делает бабушка?*), несмотря на кажущуюся естественность порядка слов, трактуются как инвертированные — т. е. производные сообщения-«экспрессивы» от высказываний-описаний с нейтральным, неэкспрессивным порядком слов: *Спит бабушка*.

Эта последняя трактовка представляется не просто остроумной, но, что важнее, совершенно справедливой. Следовало бы добавить, по нашему мнению, что в этом случае в высказывании-сообщении *Бабушка спит!* вообще нет АВ — выделение имени здесь автоматически, оно обусловлено инверсией (ср. выше)¹.

Заслуживает особого обсуждения тезис о семантической нерасчлененности высказываний со «вторым естественным

¹ Иначе можно сказать, — если учесть сам факт противопоставленности *Бабушка спит* ~ *Бабушка спит* за счет просодической выделенности, — что последняя есть знак инверсии, а не манифестация признаков [-INTERN], [-NORM].